

Из всех великих наций Огонь был, пожалуй, наиболее известен своим строительством империи.

Однако она не получала земли в большей или меньшей степени, чем любая другая нация – нет, она была известна тем, что контролировала своих соседей другими способами.

Сотни лет назад — точное число могло варьироваться до двух столетий в зависимости от того, о каком месте континента вы говорили — все более крупные континентальные страны решили, что на самом деле они больше не хотят граничить друг с другом.

(История гласит, что все началось со Страны Драконов, Земли Кукурузы и двух гигантских стен, обращенных друг к другу. Интересно, что Земли Драконов и Кукурузы с тех пор стали, не по своей воле, крупнейшими народами, все еще имеют границы.)

Следовательно, Огонь не граничил с Ветром. Оно не граничило ни с Землей, ни с Молнией. Оно, конечно, не граничило с Водой, но тогда никто и не граничил.

Нет, Огонь был окружен второстепенными народами.

И Огонь провел последние несколько столетий, делая все возможное, чтобы укрепить отношения с каждой из этих второстепенных наций — лояльный барьер был гораздо более эффективным, чем нелояльный.

Вот почему для Шина стало таким шоком, что даймё отреагировал на полное уничтожение Узу...

Не реагирует.

Сенсей там помог. Объяснил, как, да, это действительно нанесло ущерб их репутации, но в этих отчетах (отчетах, которые позже оказались ошибочными, но на тот момент они были наиболее точными) утверждалось, что Земля вышла почти совершенно невредимой из этого предприятия...

И поскольку число шиноби Ивы превосходило численность шиноби Конохи,

И учитывая, что они, очевидно, способны уничтожить одну из сильнейших невеликих наций на своей родной территории,

Хорошо.

А затем Хокаге произнес речь, намекнув — весьма серьезно — что всё, что его сдерживает, — это приказ даймё.

Это была чушь.

Хокаге так же, как и даймё, осознавал риски и был полностью согласен с тем, что необходима как можно более длительная подготовка, но он не хотел, чтобы его обвиняли.

Не хотел, чтобы гнев людей сосредоточился на нем.

В конце концов, самураи были верны даймё и только даймё. Самураев с юных лет обучали убивать себя, если они когда-либо сделают что-нибудь, что может хотя бы слегка навредить даймё.

Шиноби не были такими.

Шин знал это, как никто другой, знал, что старшие члены его клана не выросли в Конохе и не считали себя подчиненными Хокаге, пока не стали взрослыми. Старейшины вышли на пенсию еще до основания Конохи — они никогда не работали в Конохе, и именно они управляли Нарой.

Таким образом, Хокаге должен был постоянно осознавать, что его 24 часа в сутки, 7 дней в неделю окружают невероятно могущественные люди, самые могущественные из которых склонны присягать на верность сначала своей семье, затем ему, а затем даймё.

Он с такой скоростью возложил вину на лидера Файра, что большинство его подчиненных даже не колеблясь сделали то же самое — в конце концов, Сандайме Хокаге обучал человек, женатый на уроженке Узу. Сандайме Хокаге укрепил дипломатический департамент до таких размеров, которые даже нельзя было себе представить при Нидайме Хокаге, сражался бок о бок с ними в войнах — он был тем, кого они знали. Тот, кому они доверяли.

Шин даже был готов признать (себе в частном порядке), что если бы он не пошел по карьерной лестнице, он был бы рядом с ними.

Тем не менее, даже после того, как Сэнсэй объяснил причины своих лидеров, Шин нашел это... неприятным. Более того, он находил это проблематичным.

Огонь имел огромную границу.

Не такой большой, как у Земли или Ветра, это было правдой, но, в отличие от них, у Огня на самом деле не было никаких физических препятствий — непроходимых гор, огромных пустынь, пустошей тундры — чтобы защитить себя. В Огне не было ни одного места, куда можно было бы считать труднодоступное, и даймё это знал.

Именно поэтому они, больше, чем любая другая Великая Нация, вложили так много средств в дипломатию: если нельзя было использовать географические барьеры, то пришлось использовать политические.

Отказаться от всего этого ради еще нескольких месяцев подготовки? Подготовка, которую получит и Земля?

А потом пришла война, и стало еще хуже.

Первая Война Шиноби почти полностью велась в пределах Страны Огня — то, что Огонь и Лист так хорошо выстояли, было одной из причин, по которой она до сих пор пользуется таким уважением.

Вторая Война Шиноби происходила совершенно за пределами этих границ.

Конечно, имело смысл вступить в бой с врагом, чтобы не рисковать собственным народом и землями, но тут снова натыкаешься на проблему малых наций.

Лист не спрашивал разрешения, прежде чем штурмовать их земли, не спрашивал разрешения, прежде чем устанавливать путевые точки и проверять дороги и относиться к своей земле так, как будто она принадлежит Огню.

Это было бы достаточно плохо.

Но случилась засуха.

А запасы продовольствия Лифа... отсутствовали.

И Хокаге справился с этой проблемой, не занимаясь ею — соучастием, говоря своим подчиненным, что можно грабить земли, на которых они находились, в поисках пропитания, будь они прокляты.

Именно над этой проблемой, проблемой Страны Каньонов, где происходила большая часть боев на Первом фронте, Шин тратил большую часть своего времени и энергии. Его генерал, Шимура Данзо, уже понял, что статус-кво не может продолжаться долго, и поэтому Шину пришлось искать решение.

Ему... не очень хотелось узнать, способен ли он на такое.

Если и было что-то, чем был известен Конохагакуре, так это командная работа.

Это было не случайно.

По сравнению с другими Скрытыми деревнями, Коноха с такой же вероятностью могла развалиться, поддавшись разногласиям множества кланов, которые в противном случае обеспечивали ее выживание.

Конечно, было много способов справиться с этим: страх был обычным и основной тактикой как Ивы, так и Кири. Необходимость тоже сработала; поскольку синоби теперь, как правило, «ограждены» и им разрешено (законно) работать в отдельных странах, Суна сделала участие в своей деревне условием продолжения работы в границах Винда. Кумо пошел совершенно другим путем, путем разрыва всех остальных связей: в десять лет их детей забрали из семьи и вместе обучали в одной Академии в течение следующих пяти лет.

Коноха, как любил верить Шин Масуё, вместо этого находилась под влиянием практики альянса Ино-Сика-Чо: вместо того, чтобы заставлять родителей годами отдавать своих детей (есть причина, по которой у Кумо меньше всего родословных), они позволяют им оставаться со своей семьей — при условии, что они будут учиться вместе. Более того, даже больше, чем Кумо, их не просто преподают вместе, но и заставляют сражаться вместе; какой бы простой ни была миссия, всегда назначались как минимум два шиноби, и эти двое, как можно реже, были из одного клана.

Коноха заставила своих ниндзя узнавать друг о друге, сражаться плечом к плечу и заботиться друг о друге.

И именно поэтому, думает Масуё, они до сих пор не проиграли.

О, Ива делает то же самое, по крайней мере, в чисто буквальном смысле; Масуё уверен, что они, как и Коноха, выстраивают всех своих людей в ряд и обучают их бок о бок стандартному тайдзюцу «группового боя».

Но их не учат сражаться вместе.

И поэтому каждый раз, когда пользователь родословной хочет использовать родословную, его сдерживает необходимость проверить, могут ли они это сделать, необходимость создать правильные условия, необходимость убедиться, что ни один союзник не пострадал — их сдерживает, в Короче говоря, из-за отсутствия командной работы.

Для шиноби Конохи все по-другому.

Она начала день, сражаясь рядом с Акимичи, которого знала только по трем свадьбам и четырем похоронам. Он заменил ее партнера, который был настолько серьезно ранен, что нуждался в лечении в главной больнице и поэтому был отправлен обратно в деревню.

Однако где-то между первым и вторым часом боя Учиха, работавшая слева от Акимичи, закричала — она заметила одного из членов ужасной родословной.

Акимичи не теряли времени.

Масуё выхватил свои тени, защищая свою трансформацию, а Учиха отпрыгнул назад и начал бросать поистине поразительное количество оружия в быстрой последовательности, многие из которых также были снабжены метками взрыва.

Тем временем Акимичи атаковали.

К тому времени, когда им удалось извлечь его спереди, он выглядел почти как скелет.

Для сравнения, его целью был сплюснутый блин, тело которого — вместе с телами, уничтоженными по пути — осталось там, где оно лежало; У Ива была родословная, которая могла временно реанимировать недавно трупы, поэтому они не видели причин снимать свое оружие с фронта.

После ухода Акимичи она и Учиха — по меньшей мере на десять лет старше ее, но все еще в хорошем состоянии — сомкнули ряды. Она ловила цель, Учиха сжигала их заживо, и они переходили к следующей.

За исключением первого звонка Учихи и нескольких слов, обращенных к медикам, все это было сделано — и все еще делалось — без обмена словами.

Но этого было недостаточно.

У Конохи была воля, превосходная командная работа, немало сильных нападающих, но этого было недостаточно.

Масуё знала это, знала это так же, как знала, что ее тройняшки отпраздновали свой первый день рождения без нее, как она знала, что ее единственный брат находился почти прямо за ней, в центральной палатке, и его нужно было защищать от всех, кто был в палатке. перед ней, насколько она знала, что Коноха на самом деле убила больше, чем потеряла в тот день и почти через день до этого.

Она знала это, потому что теперь никто не дрался.

С обеих сторон, как один, все повернули на север.

Присмотрелся.

Видел, как Кьюби опустошали поле, убивая без разбора.

Он наблюдал, как внезапно исчез Кьюби — вероятно, его перенесли в новый сосуд, который понятия не имел, как использовать силу, которую они теперь содержали.

Узумаки Мито, как они все поняли, должно быть, умер.

Узумаки Мито, жена Первого Хокаге, была мертва.

А потом, как один, они повернулись.

И они снова столкнулись со своим врагом.

И с криком ярости оба напали.

(Они потеряли одну электростанцию, одну из своих самых важных электростанций. Они не смогут заменить ее в течение многих лет. Ива только что получили огромный моральный подъем от выполнения такого дела, в то время как Коноха имела дело с потерей Первой леди Конохагакуре.

Масуё будет бороться сегодня, и завтра, и через день, чтобы обеспечить безопасность своей семьи.

Но что-то должно было произойти, иначе они проиграют эту войну.)

.

Наре Шикаку было одиннадцать с половиной лет. Иноичи только что исполнилось двенадцать, и Чоза будет следующим — его день рождения был в апреле. Однако у Шикаку это было только в июле.

Они были генинами с семи лет.

Четыре года генинов.

Годом ранее Иноичи беспокоился, что они никогда не увидят линию фронта — генинов туда никогда не отправляли, а их команда определенно была ориентирована на боевые действия.

Шикаку... не столько беспокоился, сколько надеялся на обратное.

Ему было все равно, вот в чем дело. Мне было все равно.

Война казалась хлопотной; он мог видеть, как они туда попали, но рисковать собственной жизнью ему все же хотелось бы избежать.

Во всяком случае, Чоза был еще более против войны; он меньше беспокоился о своем здоровье, а больше о тех, кого им придется убить.

Так что Иноичи действительно был единственным, кто этого хотел.

И когда в сентябре (ему тогда было всего одиннадцать; они все тогда были так молоды) паршивец Яманака (уже не его друг) убедил своего сенсея Хьюгу, что, если чистый бой невозможен, то они могут по крайней мере, действуют как очень хорошие следопыты.

По крайней мере, их не отправили на передовую; вместо этого их обязанности полностью находились в пределах границ Огня, защищая грузы по всей Великой Нации.

Поначалу все было... хорошо.

Они были хорошо обучены, а сэнсэй Хьюга выступал в роли их сенсора, легко удвоив их эффективность.

Их совместная работа, как им постоянно говорили, нуждалась в доработке: Шикаку был зол, что Иноичи вытащил его и Чозу на передовую, у Чозы был целый ритуал, который он должен был выполнять каждый раз, когда лишался жизни, что и Иноичи, и Шикаку считали пустой тратой времени. , и и Чоза, и Иноичи думали, что Шикаку не воспринимал это достаточно серьёзно.

Они сражались каждый день.

Они сейчас не ссорились.

Сенсей был мертв.

Его голова была почти полностью отделена от тела, а затем заработала печать — его тело стало неузнаваемым за считанные секунды.

Чоза сделал все, что мог, выступил в роли их защитника и заставил саботажников отступить, но облегчение было лишь временным; скоро они поймут, что он изнурил себя до потери сознания.

А еще был Иноичи, который, застыв, смотрел на прежнее тело своего сенсея.

Это произошло так быстро.

На самом деле они даже не выглядели; Шикаку не видел смысла, когда у их сенсея был бьякуган, а остальные последовали его примеру.

Сейчас он не мог спрашивать, но Шикаку подозревал, что Сэнсэй сканировал не так часто; за последние два дня они поймали троих лазутчиков, и сохранение чакры становилось проблемой.

Шикаку держался в стороне — тем утром они с Иноичи сильно поссорились, и у него не было желания находиться рядом с другим мальчиком — пока Иноичи возился с новейшим оружием, которое он взял в руки — танто, которое он украдено у трупа, и Чоза порылся в сумке в поисках еще чего-нибудь перекусить.

И тогда они были на них.

Они подошли сзади, воспользовавшись отсутствием внимания троих мальчиков, чтобы броситься к известному спорту слепых бьякугану и в полной мере воспользоваться этим преимуществом.

Шикаку был готов - в отчаянии - поверить, что все, что произошло до этого момента, включая этот момент, не было его ошибкой.

Во всем, что произошло после этого, вина легла исключительно на него.

Как только он был обучен, глаза его товарищей по команде обратились на него. Он был руководителем их группы — именно он взял на себя ответственность, когда произошло непредвиденное.

Он бы...

Он не замерз.

(Было бы легче простить себя, если бы он замерз.)

Он определенно не говорил им, что делать, ни словами, ни сигналами.

(Это было бы проще всего простить — если бы он сделал это, он сделал бы все, что мог.)

Он повернулся и решил сражаться в одиночку.

Все это произошло всего за несколько секунд. Ему не пришлось переводить дыхание между осознанием опасности и поворотом.

Но он все еще думал.

Он все еще потратил эти скудные секунды на то, чтобы решить, что Чоза слишком слаб, а Иноичи слишком безрассуден.

Он до сих пор (почему-то) не потратил ни одного времени на размышления о преимуществах командной работы, которые его семья и деревня потратили на внушение последних десяти лет.

Он высвободил свои тени, попытался сдержать всех пятерых нападавших одновременно - не говоря уже о том, что он никогда не делал больше трех одновременно, и уж точно не больше, чем чуунин - и быстро потерял контроль.

Но он привлек к себе внимание.

Он заставил всех пятерых увидеть в нем свою следующую жертву.

Он не был создан для того, чтобы выдерживать урон, и теперь на него сосредоточилось почти полдюжины диверсантов .

Именно Чоза спас его бекон — он проглотил две таблетки, увеличившись вдвое, и разгромил ближайших противников Шикаку.

Шикаку, который все еще не оправился от того, что его тени вернулись к нему, едва успел среагировать — едва успел осознать, что есть еще трое совершенно здоровых врагов, и двое, которые были раздавлены, сумели уклониться достаточно, чтобы остаться. жив — когда Иноичи решил, что пришла его очередь.

Или... на самом деле это было не совсем так.

Шикаку, возможно, и решил действовать в одиночку, но двое его товарищей по команде определенно этого не сделали.

Всего за один или два взгляда они придумали план, о котором Шикаку не беспокоился.

Трансформация Чозы — ее основная цель заключалась в том, чтобы позволить Иноичи незаметно приблизиться. Иноичи рванул вперед, выбрал того, кого он считал лидером (он ошибался, очень ошибался; он выбрал мускулы — лидер держался сзади, достаточно близко, чтобы большинство не заметило) и прыгнул в его разум.

А затем, когда он боролся за контроль, когда он отчаянно пытался заставить гораздо большее и старшее тело выполнять его приказы, Чоза защитил свою форму и форму Шикаку.

Получил ножевые ранения.

Получил порезы.

Он принимал удары руками и ногами и даже камни, падающие на него из-под земли.

И он не давал никому прикасаться к ним, достаточно долго, чтобы Иноичи взял на себя управление, чтобы его новая марионетка напала на остальных и нацелилась на убийство.

Значит, они сбежали от диверсантов. Шикаку не знал — не мог предсказать — перегруппируются ли они для новой атаки или бегут в полном составе, но ни один из вариантов не был хорошим: у одного из мужчин была серьезная рана на туловище от марионетки Иноичи, а марионетка и еще один человек убили друг друга, и один из других мужчин перерезал себе горло, когда понял, что его ноги были раздроблены, а другой, которого наехал Чоза, имел дело с бесполезной рукой, но лидер не пострадал.

Лидер Ива не пострадал, а их сенсей был мертв.

Чоза умрет менее чем через двадцать четыре часа, если ему не окажут помощь.

Шикаку страдал от мигрени из-за неудачной работы с тенями, и хотя попытка Иноичи родословной оказалась успешной, она все равно была достаточно утомительной, поэтому у него должны были появиться аналогичные симптомы.

«Пришло время», — решил Шикаку.

Пришло время перестать быть ребенком.

"У меня есть план." Он сказал. Глаза Иноичи метнулись к нему, сначала недоверчиво, а затем покорно и почтительно.

Шикаку задавался вопросом, простит ли его когда-нибудь Иноичи.

А затем, взглянув на труп Сэнсэя и руки Иноичи, сжимающие танто, которое ему даже не нужно, он задался вопросом, простит ли он когда-нибудь себя.

<http://tl.rulate.ru/book/96215/3321326>